

долго остается жить, и, хотя она уже ничего не ждала для себя отъ будущаго, мысль о смерти приводила ее въ ужасъ; сотни разъ въ день она задавала себѣ вопросъ, — что станетъ съ Герминой, неопытной шестнадцатилѣтней дѣвочкой, еслибы ей пришлось остаться круглой сиротой? — Въ одинъ изъ моментовъ отчаянія она рѣшилась побороть свою гордость и написала въ Лондонъ своему брату, съ которымъ она не переписывалась за все время замужества. Черезъ короткое время былъ полученъ отвѣтъ, не отъ брата, но отъ его жены. Отвѣтъ былъ крайне жесткій, полный жалобъ и упрековъ, госпожа Роклетъ возмущалась тѣмъ, что у Эллы не хватило настолько деликатности, чтобы оставить въ покоѣ удрученнаго семействомъ и болѣзнями м-ра Роклета; напоминала ей, что во всѣхъ несчастіяхъ она, Элла, должна винить только свое собственное неблагоразуміе и страсть къ авантюристской жизни и т. п. Къ этому рѣзкому письму самъ Джонъ Роклетъ сдѣлалъ небольшую приписку, изъ которой видно было, что онъ совсѣмъ не раздѣляетъ мнѣній своей жены и уступаетъ только ея вліянію. Въ этой припискѣ онъ выражалъ Эллѣ свое сочувствіе и обѣщалъ, въ случаѣ смерти Эллы, присылать Герминѣ 12 ф. стерлинговъ каждыя полгода. Въ заключеніе онъ проситъ Эллу безъ крайней надобности не писать ему, чтобы не вызывать неудовольствія его жены.

У Эллы еще остался одинъ человѣкъ, на сочувствіе и помощь котораго она могла надѣяться; это былъ Викторъ Понсеро. Къ нему-то обратилась она съ просьбой о совѣтѣ и помощи, и онъ не замедлилъ явиться на ея зовъ. Онъ внимательно выслушалъ ее, разсмотрѣлъ всѣ оставшіяся послѣ Георга бумаги и долженъ былъ прійти къ заключенію, что при настоящихъ условіяхъ невозможно было начать процессъ противъ Ульменгольца. Онъ не видѣлъ Эллы съ самой катастрофы и былъ пораженъ бѣдностью обстановки, ея болѣзненнымъ и изможденнымъ видомъ. У него также явилась мысль о возможности ея близкой смерти...

Онъ обѣщалъ ей свою помощь въ случаѣ, еслибы она понадобилась, и преодолевъ нѣкоторую нерѣшительность, заговорилъ съ ней о будущности Гермины, о томъ, что съ ней станетъ, если она осталась бы одна на свѣтѣ, и наконецъ предложилъ ей сдѣлать рѣшительный шагъ, т. е. выдать за него Гермину, къ которой онъ уже давно питаетъ глубокую привязанность. — «Я вполне сознаю, — говорилъ онъ Эллѣ, — что я ей не пара и что при ея рѣдкихъ качествахъ она заслуживала лучшей участи. Ей 16 лѣтъ, а я ровно на 20 лѣтъ старше. Я — человѣкъ от-